

Асташкин Д. Ю.
**ПАРТИЙНЫЕ ОТЧЕТЫ КАК ИСТОЧНИК О РЕАКЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
НА ДОКЛАД «О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ»
(ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ РСФСР)**

В российской и белорусской историографии имеется ряд статей о реакции на доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» у жителей СССР: в Витебской области [1], в Крыму [2], в Арзамасской области [3], и т.д. Так, в 2010 году вышла значимая статья профессора О. Лейбовича о реакции на доклад населения Молотовской области [4]. О реакции Новгородской области РСФСР пока нет исследований, кроме двух страниц в очерке С.В. Ярова о новгородской повседневности [5, с. 16-17]. В настоящем тексте мы дополняем и развиваем тезисы С.В. Ярова. Источниковая база нашего исследования - отчеты о собраниях с обсуждением доклада Н.С. Хрущева, проведенные партийными организациями Новгородской области.

Стоит отметить, что первое послевоенное десятилетие для Новгородской области можно кратко охарактеризовать одним словом: бедность. Многие новгородские города и деревни были разрушены в войну, восстановление Новгородской области было крайне медленным по сравнению с другими регионами. Промышленность не была развита. Даже хлебом Новгородская область не могла сама себя обеспечить. Тем не менее, проведение XX съезда сопровождалось привычным торжественным ритуалом: собраниями, трудовыми вахтами и обязательствами перевыполнить план. Вот типичная информация новгородского горкома КПСС о проведении митингов и собраний трудящихся в честь 20 съезда: «На 18 февраля в Новгороде проведено 65 митингов и собраний, на которых присутствовало 5000 человек, выступили на митингах 207 человек. Все выступающие единодушно одобряли внутреннюю и внешнюю политику ЦК и сов. правительства и принимали на себя новые повышенные социалистические обязательства» [6, л. 5-6]. На предприятиях проводились читки газетных материалов о съезде и беседы по ним. Сквозь эти привычные ритуалы и бюрократический язык отчетов проглядывает порой и человеческая реакция на решения съезда. Вообще, во время подготовки и проведения XX съезда (как и подобных кампаний - например, выборов) власти более активно спрашивали людей об их заботах. Конечно, это нужно было не только для решения проблем, но и для контроля за общественными настроениями. Чувствуя этот интерес, люди активнее стремились рассказать о своих проблемах - накануне и в период XX съезда активно идут жалобы, письма во власть. Так общество временно получало инструмент для привлечения внимания власти. Например, рабочие артели «Победа» жаловались агитаторам, что не могут включиться в соц. соревнование из-за того, что нет пряжи и цеха простаивают. На механическом заводе прямо говорили: «Почему в 1940 году было лучше с продуктами, чем сейчас, хотя вы заявляете, что реальная зарплата рабочих повысилась?» [7, л. 17-18].

Официальные итоги съезда разбирались на собраниях. Особое место заняло обсуждение доклада Н.С. Хрущева о культе личности и его последствиях. 5 марта 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление, предлагавшее «...обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников». Отметим, что областные партийные руководители получали только закрытое письмо и не получили с ним никаких дополнительных директив. Как отмечает О.Л. Лейбович: «Это была импровизация рискованная. Доклад предназначался совсем для другой аудитории - для высших слоев партийной номенклатуры» [4, с. 194].

Порядок разоблачения был привычен и непривычен одновременно. Доклад Хрущева зачитывался полностью или в пересказе (в том числе в составе отчетных докладов секретарей партийных комитетов), заслушивались вопросы аудитории и давался на них ответ. Прения не допускались, хотя были исключения. По сути, это была уже отработанная схема политической дискредитации. По такой же схеме проводилась и кампания по разоблачению Л.П. Берия. Характерно использование сталинского языка. Новгородцы спрашивали - был ли Сталин «вредителем», «врагом народа» - заметно стремление объяснить непривычные тезисы Хрущева привычными клише.

Доклад вызвал множество вопросов, на них были «даны соответствующие разъяснения в свете доклада Н. С. Хрущева» [7, л. 92]. Увы, в отчетах новгородских партийных организаций нет конспектов ответов, приведены только вопросы (в большинстве случаев - без указания автора). В вопросах видно стремление найти противоречия в официальных интерпретациях сталинского курса, определить степень вины представителей власти. Вопросы демонстрируют то, как резко рушился пропагандистский образ И. В. Сталина у новгородцев, вот характерный вопрос: «Не был ли Сталин в последние 20 лет жизни в клиническом смысле сумасшедшим?» [6, л. 16-18].

Новгородцы пытались найти ответ на вопросы, которые замалчивала пропаганда и тем самым вытеснить пропагандистский образ гениального вождя реальной личностью. Так, они

спрашивали о малоизвестных фактах сталинской биографии, про его жену, про сына. Спрашивали об окружении Сталина: Жуков, Берия, Орджоникидзе и др. [6, л. 17-18].

Особенно беспокоило новгородцев наследие сталинской пропаганды – литература, картины, учебники и другие материалы. В вопросах чувствовалась растерянность перед новыми идеологическими установками: «Считать ли классиком марксизма-ленинизма Сталина? Останется ли звание лауреатов Сталинской премии? Как будет с художественной литературой?» [7, л. 39-40].

Звучали вопросы о репрессиях: будет ли исправлена ошибка с выделенным народами, будут ли меры против следователей, которые пытали людей. Интересовала новгородцев судьба репрессированных, их возможное освобождение. Типичными были вопросы о внешней политике: конфликт с Югославией, реакция социалистических стран на доклад Н.С. Хрущева. Новгородцев также беспокоило, что доклад был секретным и не будет публиковаться [7, л. 12-15].

Иногда в отчетах отмечалась необычная реакция: кто-то предложил почтить погибших от руки Сталина минутой молчания [6, л. 16]. Кто-то после ознакомления с докладом плевал на пол и говорил, что не может видеть портрет Сталина теперь [7, л. 26].

Типичность вопросов новгородцев особенно заметна после анализа аналогичных партийных отчетов по другим советским областям. МВ новгородских отчетов почти не заметна местная специфика (в отличие от партийных отчетов Витебской области, где люди спрашивали про местное хозяйство и местную власть). Так, новгородские отчеты содержат лишь один сугубо местный вопрос: почему не восстановлен утраченный в оккупации памятник Ленину в Новгороде (кстати, в 1956 году памятник восстановили). Важно подчеркнуть, что новгородцы не задавали социально-экономических вопросов, они не ассоциировали или боялись ассоциировать свою бедность со Сталиным.

Реакцию населения на доклад Н.С. Хрущева историк С.В. Яров назвал «первой школой политического слушания» [5, с. 17]. Историк Олег Лейбович определил реакцию как «культурный шок», который повлек за собой временный отказ от затверженных образцов политического поведения [4, с. 193]. Действительно, в выступлениях и в вопросах слушателей наблюдается сочетание живого интереса к тайнам недавнего прошлого с растерянностью перед будущим, видно недоверие к властям. Впрочем, находились и те новгородцы, что сомневались в целесообразности кампании по развенчанию «культы личности», они спрашивали после читок: «Какой смысл развенчивать этого человека, безусловно гениального, после его смерти?» [6, л. 16]. Некоторые новгородцы в своем отрицании доходили до крайних мер. Так, в марте 1956 года в Новгороде были расклеены листовки, где восхвалялся И. В. Сталин. Вот текст одной из них: «Товарищи! Отцы и матери, братья и сестры! Вы знаете, что 5 марта сего года исполнилось 3 года со дня смерти Сталина. Вы, вероятно, знаете, что народ многим обязан этому гению человечества, но нынешнее правительство почему-то забывает Сталина. Так что же это?» [8, л. 12].

Во второй листовке прямо критиковалась кампания развенчания «культы личности»: «Граждане! Будьте насторожены в отношении политики правительства. Оно ведет вас в пропасть. В день 5 марта по радио не упоминали о Сталине. Стыд и позор правительству Булганина и Хрущева! Эти появленцы перед ним щенки» [8, л. 12]. Отметим, что авторами листовок были три школьника, 1939-1940 года рождения, с идеологически «чистой» биографией (отец одного был погибшим в боях партизаном, у второго отец-политработник погиб на фронте, отец третьего был рабочим). Инициатор распространения был еще и членом ВЛКСМ, вот как он как он объяснял свой поступок: «Обиделся я на руководителей г. Новгорода и на наше Советское Правительство потому, что при жизни Сталина много о нем говорили, что он много делал и делает для народа, а умер он и перестали говорить о нем» [8, л. 13-14]. Можно сделать вывод, что некоторые новгородцы лояльно относились к И. В. Сталину и после начала кампании по его политической дискредитации. Такие же отдельные случаи с листовками были в других областях СССР.

Имеющиеся источники доказывают, что новгородцы поддержали доклад Н. С. Хрущева, как поддерживали и другие идеологические кампании. В кратчайшие сроки тщательно проработанный образ вождя в лице И. В. Сталина был дезавуирован. Однако руководство партии не предвидело масштабов и характера критики системы при обсуждении доклада. Стремясь взять под контроль реакцию населения и очертить рамки для критики культа Сталина, 30 июня 1956 г. ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий». В целом, вся эта кампания показала, что хрущевская пропаганда опиралась на многие формы, методы, и традиции сталинской пропаганды.

1. Юргевич, Н. К. Обсуждение доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС в парторганизациях страны [Электронный ресурс] / Н. К. Юргевич // Современные научные исследования и инновации. – 2020. – № 6. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2020/06/92643>. – Дата доступа: 16.02.2021.
2. Хаяли, Р. И. Организационно-партийная работа в Крымской области по докладу Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и постановлению ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий" // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / редкол.: В. В. Карпова (отв. ред.) [и др.]. – 2018. – С. 202–207.

3. Филипчук, И. В. Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности» и его восприятие в регионах (на примере Арзамасской области) / И. В. Филипчук // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе : сборник материалов XIII Региональной научно-практической конференции / под ред. В. И. Грубова. – Арзамас : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал), 2016. – С. 170–175.
4. Лейбович, О. Л. Отзывы на доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» в Молотовской области. Март–апрель 1956 г. / О. Л. Лейбович // Вестник архивиста. – 2010. – № 4. – С. 193–204.
5. Новгородская земля в эпоху социальных потрясений : сб. документов. – Кн. 4 : 1946–1956. – СПб., 2009.
6. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). – Ф. 260. Оп. 13. Д. 131.
7. ГАНИНО. – Ф. 260. Оп. 13. Д. 139.
8. ГАНИНО. – Ф. 260. Оп. 13. Д. 95.

Столетова А. С.

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ИСТОЧНИКИ КАК ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ТРАДИЦИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ РОССИИ 1950–1980-Х ГГ. (ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ)¹

Определение значения повседневных представлений и традиций в экономическом устройстве России второй половины XX в. является одной из ключевых проблем для понимания особенностей хода и течения отечественной истории. Экономическая часть социальной системы (воспроизводственный, распределительный процессы, рыночные механизмы, торговая сфера, материальные потребности) оказывала прямое влияние на формирование особенностей ментальности населения России. Среди представителей социальных категорий общества в 1950–1980-е гг. формировались новые представления и тренды, обновлялись повседневные практики, преломлялись традиции и утверждались альтернативные обычаи. Общественное самосознание крестьянства, рабочих, трудовой интеллигенции, управленцев приобретало видоизмененные черты. Преобразования призмы взглядов групп и классов российского социума ввиду прохождения этапов социально-экономического размежевания базировались на аспектах изменения соотношения позиций личности и коллектива, укреплении частного начала, обособлении буржуазных стремлений и идеалов накопительства.

Как известно, воззрения и мнения людей строятся на основании бытовавших концепций, текущей действительности, материальных намерений, материального статуса и др. Поэтому исследования касающиеся изучения суждений населения о том или ином социальном явлении представляются особенно важными для нас. Начало изучения общественного мнения в СССР было положено в 1950-е гг. Систематические социологические исследования в СССР начались с конца 1950-х – начала 1960-х гг. Пристальный интерес к вопросу исследования ментальности и психологии масс российского общества второй половины XX в. как важнейших составляющих закономерностей исторического пути возник в 1990-е гг.

Новации комплекса мировоззренческих, психологических, поведенческих моментов заключались в том, что крестьянство отходило от идей общинной жизни, городская жизнь повлекла за собой процессы орабочивания, определенных мещанских проявлений, стремлений к комфортному проживанию и проч. В деревенской среде выделялась рабочая аристократия, городские управленцы, интеллектуалы. Они являлись носителями иных черт характера, деловых и предприимчивых качеств личности, по-новому смотрящих на эксплуатацию труда и производственную жизнь. Модернизация ментальных и мировоззренческих характеристик, черт сознания как в среде корпорации руководящего звена, так и среди городских и сельских тружеников, впоследствии становилась основой для формирования новой структуры общества. При этом потребительские идеалы людей все больше оказывались сопряженными с проявлением индивидуализма в реализации прав собственности, коммерциализации жизненных проявлений. Наряду с этим в духовной сфере жизни советского общества происходил распад коллективистских идеалов и утверждение частнособственнической морали. Напротив, в устойчивый обычай советской социально-экономической жизни второй половины XX в. оказались вплетены явления кумовства, землячества, блата.

Изменения условий реализации права пользования во второй половине XX в. и процесс овладения имуществом порождали ментальные особенности восприятия отношений собственности. В данной связи нельзя не отметить, что большое количество работ написано о методах искоренения хищений и спекуляции, истории их развития как явления [3]. Интересны изыскания, связанные с рассмотрением стандартов поведения, социально-психологических стереотипов, общенародных настроений. При исследовании проблемы эволюции традиционных установок, в особенности в плане формирования возможностей для развития нелегальных форм ведения коммерческо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг. : классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19–18–00269.